

Юлия Пинигина

(Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

E-mail: piniginay@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1950-9312

Евреи и власть в позднеимперском Иркутске: нелегальные практики взаимодействия

Аннотация: В последние десятилетия существования Российской империи неуклонно увеличивался разрыв между официальным правовым статусом еврейского населения и его фактическим положением в обществе. Особенно ярко этот разрыв проявился в Сибири. Автор рассматривает эту проблему с точки зрения теории практик с помощью case-study – анализируя «попытку покушения на генерал-губернатора» летом 1905 г. в Иркутске и расследование этого случая, проведенное Иркутским губернским жандармским управлением. В статье описывается инсценировка покушения, авторами которой стали начальник городской полиции и человек, пользовавшийся огромным влиянием в среде местного еврейства. Жандармами в ходе расследования дела была обнаружена целая система «торговли покровительством», связывающая еврейское население и городскую полицию. За взятки и «пожертвования» евреи имели возможность получать различные бюрократические разрешения, необходимые для предпринимательской деятельности, а также улаживать конфликты с полицией. Этот нелегальный бизнес делали возможным как дискриминирующее положение ограниченного в правах еврейского меньшинства, так и коррумпированность полицейских чинов. Политика государства в отношении этноконфессионального меньшинства формировала поле для использования и легальных, и не вполне легальных, и откровенно нелегальных практик взаимодействия с властью. Несмотря на серьезность издержек, связанных с нелегальностью и экстралегальностью, расширяющийся спектр практик создавал пространство для альтернативных форм взаимодействия власти и еврейского меньшинства, что в свою очередь давало возможности для успешного существования сообщества в условиях позднеимперского транзитивного общества.

Ключевые слова: еврейская община, Иркутск, жандармское управление, политическое преступление, полиция, нелегальные практики, торговля покровительством.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.06

Правовое положение евреев в Российской империи, а также особый статус евреев в Сибири представляется вопросом достаточно изученным. Между тем изменение их правового статуса (ослабление или ужесточение правовых ограничений, налагаемых на евреев) – это «видимая часть» изменений, происходивших в обществе в целом. Интерес вызывают изменения в социальных процессах и практиках взаимодействия между еврейской общиной и принимающим сообществом. Очевидно, что правовая эмансипация евреев в 1917 г. была результатом революции и слома старого строя. Однако эмансипация в условиях революции – это финальный аккорд, одномоментная ситуация, завершившая те процессы трансформации правового статуса (и, шире, места еврейского меньшинства в обществе), которые протекали более или менее латентно на протяжении последних десятилетий существования империи. Деградикация политического строя выражалась в том числе в нарастающем несоответствии формального, узаконенного статуса евреев их реальному положению в обществе. Свидетельств этого расхождения достаточно много: присутствие евреев на тех территориях империи, где по общему правилу быть их не должно; заметная роль в хозяйственной жизни региона; случаи, когда евреи имели высокий статус в провинциальном обществе [Рабинович 2010]. Показательно, что имперские власти вполне осознавали разрыв между правовым статусом и фактическим положением евреев и понимали, какого рода практики взаимодействия местной власти и еврейских общин возникают вследствие этого. «При существовавших в России порядках и при абсолютном своем бесправии евреи, по словам Ю. Гессена, “покупали в прямом и полном смысле этого слова право на жизнь”. Высшие власти прекрасно об этом знали» [Романова 2001, 85].

Анализируемое в данной статье архивное дело является прекрасным материалом для case-study, сосредоточенного на изучении взаимоотношений местных властей (в частности, полиции и жандармерии) и еврейского населения, причем не только различных аспектов правового положения, но и практик взаимодействия. Я рассматриваю этот отдельный случай с методологических позиций социально-исторической антропологии, в частности – социологической теории практик [Волков, Хархордин 2008]. Эти практики по отношению к действовавшему законодательству можно разделить на легальные, экстралегальные и нелегальные.

О легальных практиках взаимодействия еврейских общин и власти в сибирских городах на рубеже XIX–XX вв. известно достаточно хорошо, особенно когда речь идет об истории важных элементов общинной жизни, таких как создание и развитие религиозных, образовательных, благотворительных учреждений. О некоторых экстралегальных практиках мне случалось писать ранее [Пинигина 2000], когда речь шла об «играх статусами»; доступных для евреев способах легитимизировать свое пре-

бывание в Иркутске, записавшись, например, «ученицей повивальной бабки» (и будучи при этом актрисой городского театра) или затеявая бюрократические игры с подачей просьб о дозволении пребывания в городе.

Нелегальные практики взаимодействия, о которых идет речь, могут быть описаны в логике мафии, то есть альтернативной формы социальной интеграции [Алексеевкова 2009, 23]. Однако наш случай существенно отличается от классической (сицилийской) мафии или силового предпринимательства конца XX в. в России, так как тут и речи нет о попытке сформировать альтернативу слабому государству или о перехвате силовыми предпринимателями функции насилия у государства, находящегося в состоянии глубокой трансформации [Волков 2012]. В ситуации позднеимперского транзитивного общества, когда устоявшиеся и легитимные иерархии и статусы не только не отражали фактического состояния общества, но и не позволяли осуществлять эффективное взаимодействие между государством и локальным сообществом, возникали альтернативные формы посредничества, которые можно описать не с позиции правовых статусов, а с позиции практик. В рассматриваемом случае уместно говорить не об индустрии насилия или частной защиты, а об индустрии посредничества [Волков 2004, 24]. В этой статье я рассматриваю яркий пример, в котором нелегальные практики взаимодействия между еврейским сообществом Иркутска и государственным бюрократическим аппаратом в начале XX в. занимают ключевое место.

«Протоколы дознаний и переписка о готовящемся покушении...».

Дело о покушении на иркутского генерал-губернатора

Событие, о котором идет речь, с известной условностью называют «покушением на иркутского генерал-губернатора», произошло оно в разгар первой русской революции 1905 г. Оно уже попадало в поле зрения исследователей, но рассматривалось совершенно с иных позиций. Леонид Меньщиков¹ упоминает этот сюжет, опираясь на документы штаба корпуса жандармов, куда попала отредактированная, «вычищенная» версия событий, представленная начальником губернского жандармского управления столичному начальству [Меньщиков 1932, 16]. В 1920–1930-е гг. «покушение на иркутского генерал-губернатора» рассматривалось исследователями в русле изучения революционного движения, противостояния революционеров и жандармов. Иркутский

¹ Меньщиков Леонид Петрович (1869–1932) начинал карьеру в Охранном отделении, после отставки (1907) и эмиграции в 1909 г. во Францию занялся разоблачением «провокаторов» – агентов полиции в различных политических партиях. Позднее сотрудничал с советской властью, был автором крупного исследования по истории борьбы царской полиции против нелегальных политических партий.

случай рассматривался как пример «провокации» и укладывался в тот же ряд, что и дела Евно Азефа и Георгия Гапона.

Источники из Государственного архива Иркутской области (ГАИО) позволяют рассматривать этот сюжет в ином контексте. В фондах ГАИО удалось обнаружить следы впечатляющего примера функционирования нелегальных практик во взаимодействии между полицией и евреями города. Архивное дело [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80] содержит «черновики» и рабочие бумаги полиции и объяснения, собственноручно написанные участниками событий. Документы дела в совокупности создают удивительную полифонию, сводят в единый корпус тексты, совершенно разные по стилю и терминологии, по степени эмоциональности и формализованности: полицейские околоточные надзиратели составляют таблицы, в которые занесены сведения о городских извозчиках; горные инженеры представляют заключения экспертиз; балаганский мещанин собственноручно пишет косноязычные и безграмотные объяснения; офицер жандармского корпуса сочиняет насыщенный эмоциональными оценками и художественными приемами отчет своему руководству. Разные языки описания создают единую и при этом многомерную картину.

**«Они обсуждали на том же еврейском языке что-то недоброе».
Версия преступления, изложенная иркутским полицмейстером**

В ночь с 10 на 11 июля 1905 г. в Иркутске произошло покушение на генерал-губернатора Восточной Сибири графа Павла Ипполитовича Кутайсова. Громкое политическое преступление не получило огласки в прессе, да и в историю революционного движения не вошло по единственной, но важной причине – оно оказалось ненастоящим. История этого преступления могла бы стать основой плутовского романа, политического детектива или комедии нравов. Архивное дело [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80], в которое вошли документы, подготовленные и собранные начальником Иркутского губернского жандармского управления (ИГЖУ) подполковником Леонидом Николаевичем Кременецким, несет в себе черты всех этих литературных жанров, и это тот случай, когда реальность дает фору литературному вымыслу.

Покушение на генерал-губернатора – серьезное государственное преступление, так что расследовать его должно было губернское жандармское управление, а не городская полиция (Иркутское городское полицейское управление). Потому за расследование дела взялся лично начальник ИГЖУ, подполковник отдельного корпуса жандармов Л. Н. Кременецкий. Жандармами была проделана серьезная и трудоемкая работа. Все следственные действия по сути строились на одной версии, которую при первой же личной беседе изложил офицер полиции офицеру жандармского

корпуса. В центре этой версии находились две фигуры – исправляющий дела иркутского полицмейстера подполковник Никольский и человек, которого полицмейстер именуется «известный мне Балаганский мещанин Иценов».

Вот что, по версии полицмейстера, произошло поздним вечером 10 июля 1905 г. в Иркутске. Несколькими днями ранее проживающий в Иркутске балаганский мещанин (то есть приписанный к мещанскому обществу уездного города Иркутской губернии Балаганска) Леонтий Иценов прогуливался по Интендантскому саду² и в боковой дорожке увидел двух ранее не известных ему господ, говоривших между собою «на еврейском языке»³. Двое молодых мужчин обсуждали некое дело, приведшее их в Иркутск, которое они намерены были исполнить так, чтобы их товарищи остались довольны. Иценов, по его словам, не придал услышанному разговору особого значения, но в последующие четыре дня он вновь гулял по саду и снова встретил незнакомцев, к которым на этот раз присоединилась дама, «по виду тоже еврейка». Они обсуждали на том же еврейском языке «что-то не доброе», что и подвигло Иценова проследить за ними. Для реализации этого замысла он привлек своего хорошего знакомого Иннокентия Артемьева Петрова, бывшего полицейского урядника, уволенного из полиции за взяточничество и тоже совершенно случайно оказавшегося в этот вечер в Интендантском саду.

Злоумышленники (те самые незнакомцы, говорившие на еврейском языке) разделились, Иценов и Петров – тоже. Петров проследовал за двумя молодыми мужчинами и видел, как те перекинули через забор в сад генерал-губернаторского дома⁴ подозрительный белый сверток. Был, по словам Петрова, в руках злоумышленников еще некий черный сверток, но его почему-то не бросили в сад, и больше в деле он не упоминался. Иценов же попытался преследовать даму, «по виду еврейку», которая внезапно выстрелила в него из револьвера, но промахнулась и умчалась в неизвестном направлении на извозчике; лошадь у извозчика была серой масти.

² Интендантский сад – главное место отдыха и развлечений иркутян в конце XIX – начале XX вв.

³ «Еврейский язык» здесь – устоявшееся в обиходе жандармерии понятие, использовавшееся, главным образом, когда шла речь о переписке ссыльных. Очевидно, имеется в виду идиш. Из массива документов, связанных с жандармским деломпроизводством (например, ГАИО, Ф. 600 Оп. 1 Д. 39 Л. 290–291), складывается впечатление, что идиш вызывал раздражение в жандармской среде: сталкиваться с ним приходилось достаточно часто, а сотрудников, владеющих этим языком, не было.

⁴ Так называемый Белый дом – официальная резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири (затем Иркутского генерал-губернатора), памятник истории федерального значения, строительство его завершено в 1821 г.

Чудом спасшийся от пули Иценов понял, что дело важное, и, несмотря на поздний час, отправился к своему знакомому – городскому полицмейстеру Никольскому – сообщить о произошедшем. Полицмейстер отнесся к рассказу со всей серьезностью. Поздним вечером полицмейстер прибыл в дом иркутского генерал-губернатора. Он призвал на помощь дежурного унтер-офицера жандармского управления и денщика генерал-губернатора, решительно направился в сад и недалеко от стены кухни обнаружил подозрительный белый сверток, очевидно, подброшенный туда злоумышленниками.

В свертке оказалась бомба. Полицмейстер приказал вылить через окно кухни на бомбу пару ведер воды, а затем велел городовому взять лопатой опасную находку, отнести ее на берег реки Ангары и выкинуть в воду. Однако подумав, он решил, что это важная улика в деле о покушении на высокопоставленного государственного чиновника, и выловил сверток из воды. Вот такую, вполне подробную, версию произошедшего изложил подполковник Никольский.

«Принять меры к выяснению виновных...». Ход жандармского расследования и первый подозреваемый-еврей

Жандармский подполковник Кременецкий начал расследование, лично получив объяснения от человека, оказавшегося в центре события, – исполняющего дела иркутского полицмейстера подполковника Никольского. Затем он опросил унтер-офицера дополнительного штата ИГЖУ Левандовского, состоявшего ординарцем при генерал-губернаторе. Позже были опрошены городской Григорий Ранга, стоявший на посту вблизи дома генерал-губернатора, денщик генерал-губернатора Моисей Малышкин и бывший полицейский урядник Иннокентий Петров. В деле появлялись все новые и новые подробности, росло число опрашиваемых, появился первый подозреваемый, затем еще пара, однако после проверки обстоятельств все они были признаны непричастными. Были опрошены и проверены все городские извозчики, проведены обыски в слесарной мастерской Островича. Офицеры жандармского управления выезжали для допросов в село Лиственничное и на станцию Иннокентьевская, связывались с коллегами из Забайкалья и Кишинева.

Нашлись все части бомбы, которой злоумышленники предположительно собирались взорвать дом генерал-губернатора, была проведена ее экспертиза. Бомба представляла собой сверток, состоящий из пяти газет, коленкорового мешочка с порохом, сахарной бумаги, куска бикфордова шнура и некой бумажной трубочки, в которую этот шнур был вставлен. Она серьезно пострадала от поливания водой в саду генерал-губернатора и во время пребывания в реке, а бумажная трубочка, упомянутая

в рапорте полицмейстера, пропала. Проведенная в Иркутском горном управлении экспертиза пришла к однозначному заключению, что эта бомба не представляла серьезной опасности и в худшем случае могла лишь несильно испортить стену кухни. Меньщиков прямо назвал «бомбу» мусором [Меньщиков 1932].

Полицмейстер вначале отнесся к бумажной трубочке без должного внимания: «Бумажная трубка с прогоревшими двумя листками мною неизвестно где утеряна и по самым тщательным розыском до сих пор не найдена, почему и не приложена к свертку» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.], но по требованию жандарма все же вынужден был найти столь важную улику. Трубочка оказалась свернутой из двух экземпляров нелегальной прокламации «Самодержавие на скамью подсудимых». Была ли к тому особая причина, или у преступников не оказалось под рукой другой бумаги, помимо революционных прокламаций, или прокламация должна была увеличить мощность бомбы, или в этом скрывался некий особый революционный символизм – жандармское управление не выяснило.

Жандармы не смогли бы продвинуться в расследовании, если бы не активная помощь тех людей, с которых все началось, – полицмейстера Никольского и мещанина Иценова. Они случайно обнаружили подозреваемого, который якобы походил на злоумышленника-еврея, одного из тех, кого видел в Интендантском саду Иценов накануне покушения. Личность подозрительного человека достаточно быстро удалось установить, им оказался Мартын Иванов Кромберг. Но, во-первых, на день покушения у него было алиби, которое могли подтвердить несколько десятков работников верфи в поселке Лиственничном, во-вторых, он был не политическим, а уголовным ссыльным, и, в-третьих, он был католиком и не знал еврейского языка. Иценов, вероятно, обознался.

«...другие неизвестные лица – по типу тоже евреи».

Новые подозреваемые – еврейские торговцы

Но Иценову повезло еще раз: он снова увидел людей, теперь уже двоих, исключительно похожих на злоумышленников (и на этот раз действительно евреев), о чем спешно сообщил своему знакомому-полицмейстеру, а уж тот – начальнику жандармов. Но в этом случае Иценов предварительно лично навел справки и о личностях, и о месте жительства, и о роде занятий подозрительных лиц: обширные знакомства в среде полицейских служащих этому способствовали.

В отношении этих двух лиц, Фишмана и Брехмана, ротмистрами ИГЖУ Гавриловым и Булгаковым была проведена проверка, доказавшая их непричастность к покушению. Запросы об этих людях были посланы в жандармское управление Бессарабии и ротмистру Балабанову в Читу.

Эта проверка открыла увлекательные подробности деятельности Иценова, его нравственные качества и ту роль, которую играл этот человек в жизни Иркутска.

Два торговца, кишиневский мещанин Янкель-Герш Эминов Фишман и кишиневский купец Арон Нахманов Брехман, прибыли в Иркутск из Одессы в июне 1905 г. по торговым делам: они намеревались выгодно продать крупную партию готового платья. Для подобной деятельности необходимо было иметь вид на жительство в Иркутске (так называемое дозволение господина генерал-губернатора на проживание) и разрешение на торговлю в городе. Едва компаньоны прибыли в город, как к ним явился Иценов и предложил свои услуги – посредничество в деле получения этих двух необходимых документов. Однако сумма, запрошенная Иценовым за услуги, оказалась, по мнению приезжих, чересчур большой, и компаньоны отказались от этой, как стало вскоре понятно, крайне навязчивой услуги. Они сами обратились к влиятельному человеку, купцу первой гильдии Д. М. Кузнецу, с просьбой о помощи и посредничестве (по другой версии – к Д. Кузнецу и И. Шепшелевичу, также купцу первой гильдии). Разрешение на проживание в течение двух месяцев было выдано канцелярией генерал-губернатора 22 июня 1905 г. Эта услуга может рассматриваться как проявление этноконфессиональной солидарности и еще одной формы экстралегального взаимодействия евреев и власти; статус и состояние Давида Кузнеца и Иуды Шепшелевича не дают оснований подозревать их в мелкой «торговле покровительством». Однако разрешение на торговлю так и не было получено, и компаньоны решили торговать нелегально, но тут же столкнулись с полицией. Как следует из рапорта Никольского, сообщил в полицию о незаконной торговле не кто иной, как Иценов. Тогда торговцы решили переместиться из Иркутска на близлежащую станцию Иннокентьевская (случилось это, по версии Иценова, 11 июля, сразу после «покушения», а по версии станционного полицейского надзирателя Гурьева – 14 или 15 июля), надеясь таким образом избавиться от навязчивого внимания как иркутской полиции, так и Иценова. Но безуспешно: Иценов нашел их и там – как оказалось, он водил дружбу с полицейским надзирателем станции Иннокентьевская В. Я. Гурьевым. Иценов снова сдал их полиции, не только за незаконную торговлю, но и за незаконное проживание – у Фишмана и Брехмана было дозволение проживать лишь в городе Иркутске, но не на станции Иннокентьевской. Вероятно, торговцы и в этот раз не захотели договариваться с Иценовым, и тогда он заявил на них как на преступников, готовивших тяжкое преступление – покушение на убийство генерал-губернатора. Впрочем, и тут есть некоторая путаница: Иценов обвинял торговцев в том «покушении», которое состояло в подбрасывании 11 июля «бомбы» к резиденции генерал-губернатора, а также в готовящемся покушении на станции Иннокентьевская, во время проезда там генерал-губернатора

17 июля. И если покушение 11 июля имело хоть какую-то «материальность» в виде подброшенной в сад генерал-губернаторского дома «бомбы», то покушение на Иннокентьевской было совсем уж призрачным: полицмейстер Никольский явился к генерал-губернатору, сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, готовится покушение, и лично сопровождал графа до станции Иннокентьевская, чего ранее не случалось. В этом случае никаких подробностей о готовящемся покушении жандармы не получили.

К сожалению, мне не удалось обнаружить архивных данных, сообщающих, чем закончилась история с «покушением» для ее участников. О том, что все это происшествие было инсценировкой, подполковник Кременецкий сообщил своему столичному начальству спустя два месяца после событий. Он воздержался от того, чтобы возложить ответственность за произошедшее на полицмейстера, и не назвал его инициатором и бенефициаром «разоблачения», но намекнул на это, указав, какие обстоятельства и сведения полицмейстер Никольский скрыл от жандармского начальника: полицмейстер знал от Иценова о Фишмане и Брехмане в тот момент, когда 14 июля писал рапорт начальнику ИГЖУ, но умолчал об этом, так же как и о «покушении на Иннокентьевской», и сообщил эти сведения лишь в рапорте от 1 августа. В результате Никольский лишился должности исправляющего дела полицмейстера Иркутска.

«...заялся политическим шантажом». Расширение сферы нелегальной деятельности Иценова

Главным виновником и несостоявшимся выгодоприобретателем в жандармском отчете выставлен Иценов, хотя тема его сотрудничества с полицией не раскрыта. Меньщиков назвал Иценова полицейским агентом «Ицено», а всю историю – полицейской провокацией [Меньщиков 1932], но из дела складывается впечатление, что Иценов был не столько агентом полиции, сколько компаньоном. «Не довольствуясь сферой уголовных розысков, Иценов с начала июля сего года сблизился с уволенным за взятки и превышение власти бывшим урядником Петровым, искавшим покровительства для получения места в городской полиции, и приобретя таким образом преданного и на все готового союзника, занялся политическим шантажом» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.]. К сожалению, не удалось выяснить, как эта история сказалась на его дальнейшей судьбе. Что касается собственно провокации, она выглядит не только наивной, но и просто не укладывающейся в логику полицейской провокации: она не была направлена против революционного подполья, не была создана жандармами, как другие известные провокации, и не соответствовала сфере деятельности городской полиции. Зато она явно

эксплуатировала широко распространенную во властных и провластных кругах уверенность, что основную ответственность за революцию 1905 г. несут евреи и что они являются главной движущей силой революции. Несколько примитивная версия, объясняющая всю эту историю желанием Иценова и Никольского получить орден и выслужиться перед генерал-губернатором, представляется наиболее правдоподобной.

Между этими людьми, жуликом Леонтием Иценовым и жандармским подполковником Леонидом Кременецким, случилось еще одно пикантное пересечение. После «июльского покушения» Никольский и Иценов не остановились и предприняли еще одну попытку выслужиться. «Вслед за обнаружением 11 июля упомянутого свертка с порохом, 18 прошлого августа Иценовым было лично доложено полицмейстеру и письменно генерал-губернатору об обнаружении им места нахождения тайной типографии. Приехавший по этому поводу ночью полицмейстер просил моего распоряжения о немедленном обыске, но я отказал в производстве такого без предварительной проверки сообщенных сведений. Ввиду же заявления полицмейстера, что получены также сведения, что указанная типография может быть перенесена в эту ночь, я предложил ему провести лично этот обыск под благовидным полицейским предлогом. При обыске выяснилось, что в указанном Иценовым месте помещается фотография мещанина Иннокентия Шнее, в которой, несмотря на самый тщательный розыск, не обнаружено никаких следов типографии» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.].

Подпольные типографии – особый сюжет в карьере подполковника Кременецкого. Потомственный дворянин, в будущем – генерал, он отнюдь не был безупречным стражем закона и порядка. Из различных источников [Скрацук 2017] известно, что, устраивая свою карьеру, Леонид Николаевич не брезговал весьма сомнительными методами. Провокации, махинации, откровенное жульничество водились за ним и до назначения в Иркутск, случалось подобное и после. Коллеги по жандармскому корпусу задолго до описываемых событий подозревали тогда еще ротмистра екатеринославского управления Кременецкого в устройстве нелегальных типографий с целью последующего «открытия» их и получения наград. Карьера жандарма закончилась скверно: в 1916 г. он был уволен со службы за «постановку» социал-революционной типографии в Пензе, а в 1918 г. его расстреляли в Пензе по приговору ЧК.

«...настало время расширить дело». Торговля посредничеством в еврейской среде Иркутска

Жандармский полковник быстро выяснил печальные обстоятельства незадачливых торговцев готовым платьем и всерьез заинтересовался

фигурой Иценова, который не только волей случая спас генерал-губернатора, сам счастливо избежал смерти от пули соучастницы террористов, но и удивительным образом оказывался в нужное время в нужном месте (гулял по боковой аллее Интендантского сада, причем четыре дня подряд, и случайно видел тех самых подозрительных господ перед покушением, дважды случайно узнавал их на улице, да еще так кстати был знаком с полицейскими чинами города и пригорода).

Леонтий Иосифович Иценов (до крещения Лейба Вениаминов Иценов) – православный, мещанин, проживал в Иркутске в собственном доме на Жандармской улице. Ранее дважды судимый, 30 апреля 1885 г. Иркутским губернским судом он за кражу со взломом был лишен всех «особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ». Далее сведения о судьбе Иценова разнятся, хотя и имеют один источник [Меньщиков 1932; ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80.]. По версии Меньщикова, он отбыл четыре года в тюрьме и затем был сослан в Иркутскую область (полагаю, Меньщиков ошибся, цитируя рапорт Кременецкого, поскольку обозначения «Иркутская область» на тот момент не существовало). По другой версии, после четырех лет, проведенных в тюрьме, он был выслан в Якутскую область, что соответствует существовавшей практике наказаний для евреев, совершивших уголовные преступления на территории Сибири [Курчатова, Андреев 2016]. В 1899 г. он принял православие, после чего просил местную казенную палату приписать его к мещанскому обществу города Балаганска, что и было сделано, при этом прошлые компрометирующие сведения в новый статейный список не были внесены. Позже Иценов перебрался в Иркутск, где занялся «темными делами» и вместе с тем предложил полиции свои услуги в качестве информатора. Заведя нужные связи в полиции, он «начал за приличное вознаграждение принимать близкое участие в судьбе евреев, имевших дело с полицией, что создало ему большую популярность и авторитет в еврейской среде» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.]. Хочется отметить, что начальник ИГЖУ распространил свои представления о евреях, имевших дело с полицией, на еврейское население Иркутска в целом. Точнее, он связал «евреев, имевших дело с полицией», не с криминальной средой (она была развита и держала город в страхе), а с этническим еврейским сообществом. Полагаю, это связано с высокой долей «нелегальных лиц» (не имеющих законных оснований для проживания в городе) в еврейской среде и с многочисленными проверками законности пребывания и политической благонадежности. Вероятно, для жандарма сомнительна легальность «еврейской среды» в целом⁵. При этом то обстоятельство, что Иценов – выкрест, нисколько не нарушало этой картины, по крайней

⁵ Об отношении имперских чиновников к евреям на Востоке России подробно пишет В. Романова [Романова 2001].

мере с точки зрения жандарма. Возможно, начальник ИГЖУ воспринимал «еврейскую среду» не столько в качестве религиозной общины, сколько в качестве местного этнического сообщества.

«Этот авторитет усилился еще более, когда, благодаря иркутскому полицмейстеру, давшему благоприятный отзыв об его о нравственных качествах, не восстановленному в правах Иценову был пожалован в 1894 г. за сделанное пожертвование мундир Человеколюбивого общества императрицы Марии» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 74.]⁶. Вот что пишет Кременецкий в своем рапорте начальству: «Время появления Иценова на местном горизонте точно мне не известно, но стал он приобретать авторитет в местном еврейском обществе года четыре тому назад. В последние два года авторитет этот перешел уже во влияние и усилился настолько, что всякий еврей, так или иначе попавший в руки полиции, будь то вор или нелегальное лицо, с полным доверием обращались и обращаются к содействию Иценова. И не без успеха. “Успех” этот, с одной стороны, объясняется предоставлением евреями в полное распоряжение Иценова “денежных пожертвований”, а с другой – приобретением им мундира, треуголки и шпаги. Стоит заговорить с любым евреем об Иценове, как он непременно назовет его “умным человеком”, сумевшим “приобрести мундир”. Появление Иценова в мундире публично и даже в Соборе, близость его к некоторым власть имущим лицам, рекламирование себя в местных газетах “членом многих благотворительных обществ, получившим благодарности Высочайших особ” имели своим последствием открытую эксплуатацию местных евреев. На этой почве вокруг Иценова организовалась целая шайка гешефтмахеров. Эта К-о открыто действует во всех слоях местного еврейства» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.]

Бизнес на посредничестве рос и процветал. «Придя очевидно к заключению, что настало время расширить дело, Иценов организовал в конце прошлого года целую сеть агентов, которые рекламировали его в еврейской среде в качестве всемогущего человека, подыскивая ему вместе с тем нуждающихся в его помощи евреев». И далее: «Для характеристики деятельности Иценова привожу следующий пример: двум лицам нужно было получить разрешение на производство торговли вином и спиртом при сплаве по р. Лена. Ходатайство было признано не подлежащим удовлетворению, и просители с этим примирились. К ним неожиданно является Иценов и предлагает свои услуги провести это дело за 500 рублей. По уверению Иценова, деньги эти должны были будто бы быть переданы лицу, облеченному Высочайшей властью. Лишь случайное объяснение

⁶ Отметим, что дата получения мундира –1894 г. – явно ошибочна. Полагаю, мундир Леонтий Иценов приобрел в 1905 г., когда дал объявление об этом в газете «Иркутские губернские ведомости» (1905, № 4146).

со мною предотвратило эту наглость. Также, например, говорят, что тот же Иценов за ходатайство по освобождению одного еврея заставил жену его заложить последние тряпки, лишь бы дать ему, Иценову, 50 рублей. Таких слухов, с указанием фактов, много» [там же].

Разумеется, основой процветания бизнеса была тесная интеграция с городской полицией. Даже если Иценов и был полицейским осведомителем в различных уголовных делах, полиция постаралась скрыть это обстоятельство от жандармов. Вот как описывает начальник ИГЖУ возможности Иценова: «Осведомленные и заслуживающие доверия лица безусловно утверждают, что названный Иценов пользуется громадным весом и влиянием у местного Полицмейстера, что подтверждается случаем, имевшим место на днях. Из Харбина было получено телеграфное требование от полицмейстера об аресте за какую-то мошенническую проделку Ялуторовского мещанина еврея Иосифа Леонтьева Тиш, вследствие чего местным полицмейстером было дано письменное предписание об аресте этого еврея, но указанное предписание не было исполнено, так как явившийся на квартиру к Тишу Иценов увез его с собой к полицмейстеру, а прибывшие для ареста чины полиции, хорошо осведомленные о значении и влиянии Иценова, не посмели его послушаться»⁷ [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.].

**«Короче, Иценов с неизвестным прошлым и темным настоящим».
Особенности нелегального бизнеса «торговца покровительством»**

Хотелось бы отметить ряд важных моментов в организации бизнеса Иценова. Во-первых, его целевая аудитория состояла из представителей этноконфессионального меньшинства, имеющего особый правовой статус и серьезно ущемленного в правах [Кальмина 2003]. Это дискриминируемое положение ставило евреев в Иркутске перед необходимостью формировать легальные, экстралегальные и нелегальные пути обхода ограничений. Формировался спрос на посреднические услуги, и даже если оценивать по одному частному случаю Иценова – спрос стабильный и платежеспособный. Этот бизнес может быть описан в качестве классической «торговли покровительством».

Во-вторых, этот бизнес построен не на насилии (как было в случае классических мафий), а на посредничестве. Монополистом насилия по-прежнему оставалось государство, которое установило дискримина-

⁷ За несколько дней до составления рапорта начальником ИГЖУ Иосиф Тиш подал объявление в «Иркутские губернские ведомости» о своем желании приобрести дело или войти в таковое компаньоном, очевидно, совершенно не пытаясь скрываться от полиции.

ционные правила и содержало правоохранительные органы, вменяя им в обязанность эти правила охранять и принуждать население (в том числе и этноконфессиональные меньшинства) к их соблюдению. Леонтий Иценов выступал посредником на рынке: он предлагал купить решение проблемы с законом за деньги, а если клиент не хотел покупать такую услугу, то, опять-таки при посредничестве Иценова, он оказывался принужден уже силами полиции либо совершить сделку и заплатить, либо соблюдать действующее законодательство и нести ответственность за его нарушение. Масштабы этого рынка оценить невозможно, но Иценов на своих посреднических услугах сколотил приличное состояние: «Исключительно на почве таких нелегальных действий Иценов за какие-нибудь 4–5 лет приобрел недвижимости в 15–20 тысяч рублей» [ГАИО, Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.].

В-третьих, следует помнить, что не только государственное насилие, выражавшееся в правовой дискриминации, приводило на этот посреднический рынок клиентов. Клиенты сами иногда совершали деяния, которые являлись уголовными правонарушениями, и потому оказывались на этом рынке посреднических услуг в качестве покупателя.

В-четвертых, если посмотреть на связи Иценова в полиции, то очевидно, что они распространялись на уровни от околоточного надзирателя (возможно, и ниже, на уровне рядовых служащих – городских стражников) до самого полицмейстера – начальника городского полицейского управления. Опосредованно, через полицию, его связи тянулись и выше – на уровень управления губернией. Этот посреднический бизнес не определялся исключительно «дурными нравственными качествами» и коррумпированностью конкретных служащих полиции. Свою деятельность Иценов начал в 1899 г., а разоблачен был лишь в 1905 г., да и то по причине того, что не смог вовремя остановиться и перешел границы разумного. Он подался в сферу политического сыска, попытался обмануть жандармского подполковника и открыто заявлял, что «получит за это дело орден». Его погубила не столько жадность, сколько честолюбие. Но важнее другое: за это время сменилось несколько полицмейстеров (Никольский был назначен исправляющим дела иркутского полицмейстера лишь в марте 1905 г., за четыре месяца до «покушения»), но бизнес Иценова продолжал процветать, поскольку не был привязан к конкретному «коррупционеру», а был встроен в полицейскую систему как таковую.

Описанный случай представляет собой яркое проявление нелегальных практик взаимодействия этнического меньшинства и государственной бюрократии. Такие практики могли появиться лишь в более ши-

роком контексте, на фоне рутинизированных практик (таких, как, например, внесение евреев в полицейские списки по месту пребывания⁸). Сами полицейские переписи тоже существовали на грани законности и произвола со стороны полиции [Пинигина 2000]. Если по действующему законодательству евреев в Сибири быть не должно, а те, что уже есть, не должны перемещаться вне мест приписки [Пинигина 2000, Кальмина 2003], но активно перемещаются⁹, то есть основания полагать, что такое положение возможно только на фоне активных экстралегальных и нелегальных практик.

Источники

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 80.
«Протоколы дознаний и переписка о готовящемся покушении на Иркутского губернатора (12.07.1905–29.09.1905)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 39.
«Переписка о просмотре корреспонденции политических ссыльных (31.12.1904–05.12.1905)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 466.
«О составлении списка евреев, проживающих в г. Иркутске и о проверке их прав на проживание в г. Иркутске (13.09.1887–23.03.1888)».
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1769.
«Списки евреев, проживающих в Иркутске и переписка о разрешении проживания (12.03.1907–25.01.1908)».

Литература

- Алексеевкова 2009 – Алексеевкова Е. С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // *Полития*. 2009. № 1. С. 22–43.
- Волков 2004 – Волков В. В. Мафия в зеркале социологии // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5. № 3. С. 16–34.

⁸ Полиция регулярно составляла списки евреев, проживающих в Иркутске, и проверяла их право на жительство. См., например, ГАИО, Ф. 91. Оп. 2. Д. 466; ГАИО, Ф. 91. Оп. 2. Д. 1769.

⁹ Согласно Указу Правительствующего Сената от 8 февраля 1904 г. за № 1328, Леонтий Иценов должен был жить безвыездно в Балаганске, однако не менее шести лет жил и процветал в Иркутске. Копию этого указа с категорическими разъяснениями губернатора направили для сведения в марте 1905 г. и. д. иркутского полицмейстера Никольскому.

- Волков 2012 – *Волков В. В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 351с.
- Волков, Хархордин 2008 – *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
- Кальмина 2003 – *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
- Курчатова, Андреев 2016 – *Курчатова Т. Т., Андреев А. П.* Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–74.
- Меньщиков 1932 – *Меньщиков Л. П.* Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. III. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 283 с.
- Пинигина 2000 – *Пинигина Ю. Н.* Меньшинство и власть: стремление к сосуществованию? (Опыт еврейской общины дореволюционного Иркутска) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 5–20.
- Рабинович 2010 – *Рабинович В. Ю.* Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4(1). С. 201–206.
- Романова 2001 – *Романова В. В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианум, 2001. 292 с.
- Скращук 2017 – *Скращук В.* Карьера полковника Кременецкого // Краевед Приангарья. 2017. № 1. С. 87–102.

Jews and Power in Late Imperial Irkutsk: Illegal Practices of Interaction

Yulia Pinigina

(Irkutsk, Russia)

Irkutsk State University

E-mail: piniginay@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1950-9312

Abstract: In the Late Russian Empire the gap between the official legal status of the Jewish population and its real position in the society increased steadily. As a result, legal as well as extra-legal and illegal practices of interaction between the authorities and the ethno-confessional minority were formed. In the course of investigation of the “assassination attempt upon the Governor-General” in Irkutsk in 1905, conducted by the Gendarme Directorate, the system of “patronage trade” was revealed, linking the Jewish population and the city police. This plot is analyzed from the social practice perspective. The author argues that the expanding range of practices of interaction between the authorities and the Jewish population created opportunities for the preservation and development of the community in the conditions of the late imperial transitional society.

Keywords: Jewish community, Irkutsk, gendarme directorate, political crime, police, illegal practices, patronage trade

References

- Alekseenkova 2009 – Alekseenkova E.S., 2009, Gosudarstvo i al'ternativnye formy sozial'noi integratsii: strukturnoe nasilie protiv “omerta” [The State and Alternative Forms of Social Integration: Structural Violence Against “Omerta”]. *Politiya*, 1, 22–43. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-52-1-22-43.
- Volkov 2004 – Volkov V.V., 2004, Mafii v zerkale sotsiologii [The Mafia in the Mirror of Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 5, 3, 16–34.
- Volkov 2012 – Volkov V.V., 2012, *Silovoe predprinimatel'stvo, 21 vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz*. [Power Entrepreneurship: the 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 352.
- Volkov, Kharkhordin 2008 – Volkov V.V. Kharkhordin O.V., 2008, *Teoriya praktik*. [The Theory of the Practice Study] Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 297.
- Kal'mina 2003 – Kal'mina L.V., 2003, Evreiskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina 19 v. – fevral' 1917 goda) [Jewish Communities of Eastern Siberia (Middle of the 19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude: Izd.-poligr. kompleks VSGAKI, 422.
- Kurchatova, Andreev 2016 – Kurchatova T.T., Andreev A.P., 2016, Evrei Yakutii v kontse 19 v (po materialam pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897g. [The Jews of Yakutia at the Late 19th century (according to the First National Census, 1897)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 4, 72–74.
- Menshchikov 1932 – Menshchikov L.P., 1932, *Okhrana i revolyutsiya : k istorii taĭnykh politicheskikh organizatsii, sushchestvovavshikh vo vremena samodержaviya*. [Security Controls and Revolution: on the History of Secret Political Organizations during the Caesarism era], vol. III, Moscow : Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.

- Pinigina 2000 – Pinigina Y.N. 2000, Men'shinstvo i vlast': stremlenie k sosushchestvovaniyu? (Opyt evreiskoy obshchiny dorevoliutsionnogo Irkutska) [Minority and Power: Striving for Coexistence? (The Case of the Jewish Community of Pre-Revolutionary Irkutsk)]. *Vestnik Evrazii*, 4, 5–20.
- Rabinovich 2010 – Rabinovich V.Y., 2010, Evrei i poliaki v dorevoliutsionnom Irkutske: “pereselentsy” v pereselencheskom obshchestve [Jews and Poles in the Pre-Revolutionary Irkutsk: “Re-Settlers” in the Resettlement Community]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4-1, 201–206.
- Romanova 2001 – Romanova V.V., 2001, *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimotnosheniy (vtoraya polovina 19 – 20-e gody 20 vv.)* [The Power and Jews in the Russian Far East: the History of Relationships (the Second Half of the 19th Century – 1920s)]. Krasnoyarsk: “Klaretianum”, 292.
- Skrashchuk 2017 – Skrashchuk V., 2017, Kar'era polkovnika Kremenetskogo [Colonel Kremenetsky's Career]. *Kraeved Priangar'ia*, 1, 87–102.